

ТЕОРИИ ЭПИДЕМИЙ «ЧУМЫ» ПАРАЦЕЛЬСА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

И. Г. ГУРЬЯНОВ
РАНХиГС, РГГУ
ilgur@yandex.ru

ILYA GURYANOV

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Russian State University for the Humanities

PARACELSUS' THEORIES OF 'PLAGUE' EPIDEMICS: CURRENT STATE OF RESEARCH

ABSTRACT. The positivist-oriented historiography of medical history based on the idea of “progress” has bequeathed us with a legacy of perceiving Paracelsus as a great reformer of sixteenth-century medical theory and practice, heralding modern “science”. This model has been subjected to scathing critique by the intellectual history of medicine. Relying on historical and philological methods, this approach have illuminated the semantic gaps between “Paracelsianism” and Paracelsus' own doctrines. In consonance with intellectual history of medicine, recent years have witnessed a trend towards a more pronounced distinction between the theories of “plague” epidemics from Paracelsus' treatises and pseudo-Paracelsian works. Researchers identify three principal difficulties in reconstructing Paracelsus' medical theories: his obscure style, the “inconsistency” of ideas across treatises, and the “vagueness” of conceptual foundations. The article elucidates these problems by reconstructing key elements of the “plague” theory in *Volumen medicinæ Paramirum*, partially resolving them through philosophical hermeneutics. Paracelsus uses the “plague” example to expose the ignorance of medical authorities like Galen and Avicenna, while appropriating and redefining conventional medical concepts, particularly “plague” and its “causes.” His alternative theory links epidemics and diseases to five entities (*entia*), conceptualised within paraconsistent logic and his microcosm-macrocosm doctrine. Particular attention is paid to the concept of astral essence (*ens astralis*). The appendix presents a commented Russian translation of several sections of the treatise.

KEYWORDS: plague, epidemics, Paracelsus, pseudo-Paracelsus, *ens astralis*, poison.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00217, в ИОН РАНХиГС (Москва). The study was funded by Russian Science Foundation, the research project № 22-78-00217 at Institute for Social Sciences at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Как справедливо отмечает Томас Рюттен, историография истории медицины конца XIX – начала XX вв. сформировала образ трех наиболее «прогрессивных» врачей раннего Нового времени: Парацельса (с. 1493/4–1541), Андрея Везалия (1514–1564) и Уильяма Гарвея (1578–1657).¹ В этом нарративе они предстают основателями трех важнейших для современной медицины «дисциплин» — или точнее было бы сказать «областей знания»: химии, анатомии и физиологии. Их имена стали символом произошедшей между 1530 и 1630 гг. «смены» самих принципов научности, *эпистемы* в медицине. На место «некритической» и «догматической» веры в медицинские авторитеты античности и основанной на них схоластической учености пришли зачатки «современной» медицины, основанной на экспериментальной и индуктивной науке, а также идее линейного, постоянного и кумулятивного прогресса, обесценивающего традиции. Соответственно, Парацельс, Везалий и Гарвей стали почитаться за противостояние тем авторитетам, которые, по мнению первых исследователей этого периода, стояли на пути «прогресса» в современном смысле этого слова — в частности, Аристотелю, Галену и Гиппократу, а также всем их последователям в раннее Новое время.² Однако даже поверхностное рассмотрение того, что писали о Парацельсе главные провозвестники «экспериментальной и индуктивной науки» (например, Бэкон), и того, как сам он обращался с наследием античных авторов (например, наличие в корпусе его трудов комментариев на «Афоризмы» Гиппократа) показывает тенденциозность этого взгляда.³

Ситуация может предстать еще более запутанной, если обратиться к конкретным медицинским учениям Парацельса, в частности, к его теории эпидемий «чумы», которая достаточно давно попала в поле зрения исследователей. В классической работе, посвященной концепции «семян болезни» как

¹ Rütten 2001, 38.

² Набор символических фигур может варьироваться от работы к работе в зависимости от задач исследователя, но общим остается пафос противопоставления нового «порядка» знания (и власти) старому, который непременно должен найти «историческое» подтверждение в интеллектуальной биографии конкретных великих людей. Показательно рассуждение Castiglioni 1950, 65: он называет *De contagione et contagiosis morbis et curatione* (1546) Джироламо Фракасторо, *De humani corporis fabrica* (1543) Андрея Везалия и *De revolutionibus orbium coelestium* (1543) Николая Коперника «тремя великими книгами и тремя великими битвами против схоластики и абсолютизма». Сопоставляя наследие Парацельса и Везалия, Pagel, Rattansi (1964, 328) наиболее убедительно показывают их общность именно в борьбе против «ортодоксального галенизма», то есть за низвержение авторитета Галена для медицины.

³ Ср. King 2001, 27, Rütten 2001, 39.

«ранней» версии медицинского учения о контагии и контагиозных заболеваниях, Вивиан Наттон называет Парацельса «единственным новатором среди теоретиков медицины XVI века».⁴ Поскольку главный тезис исследователя в том, что автор знаменитого трактата *De contagione et contagiosis morbis et curatione* (О заражении, заразных болезнях и лечении)⁵ Джироламо Фракасторо остался в «классической» парадигме медицинского знания и не может считаться тем, кто повлиял на Коха и Пастера, возникает соблазн воспринимать в таком качестве именно Парацельса. Однако Наттон, не поясняя оснований своей оценки, ссылается не на собственные исследования этого эмблематического автора, а на классическую работу Вальтера Пагеля — вероятно, наиболее влиятельного специалиста по Парацельсу второй половины XX в. Примечательно, что в ней на указанных Наттоном страницах мы нигде не

⁴ Nutton 1983, 23.

⁵ Стандартный перевод трактата на русский язык «О контагии, контагиозных болезнях и лечении». Сложно сказать, кому из причастных к подготовке издания 1954 г. принадлежит этот выбор: переводчикам А. А. Садову и В. В. Горенштейну или научным редакторам Ф. А. Петровскому и П. Е. Заблудовскому (см. Быков 1954, 250–251). В разделе «От редактора» академик К. М. Быков пишет, что «учение Фракасторо послужило отправным пунктом для дальнейшего развития науки о заразных болезнях, о путях их передачи и мерах борьбы с ними» (Ibid., 164). Хотя данное издание следует считать настоящей вехой в изучении истории медицины на русском языке, все же в его названии прослеживается отмеченная Nutton 1983 тенденция к представлению Фракасторо предшественником современного учения об особом типе болезней, называемых «контагиозными» (наиболее существенные оговорки на этот счет можно посмотреть в приложенном к изданию исследовании П. Е. Заблудовского). Поэтому я считаю более корректным переводить *contagio* описательными терминами, такими как «заражение», «болезнетворное начало» или «очаг болезни» (в зависимости от контекста), и говорить о трех видах или способах заражения. Это позволит отличить учение Фракасторо от современных теорий контагиозных болезней, которые предполагают *единственный* способ заражения: проникновение возбудителя через кожу и слизистые оболочки внутрь организма. Учения Фракасторо о действии на расстоянии и «астральном» происхождении сифилиса (см. Nutton 1990, 200–201) созвучны теоретическим представлениям о «чуме» Парацельса, хотя трактаты с наиболее систематическим изложением этих теоретико-медицинских взглядов Фракасторо (*De sympathia et antipathia rerum* и *De contagione et contagiosis morbis et curatione*) были опубликованы только в 1546 г., то есть после смерти швейцарца.

найдем столь высокой оценки самим Пагелем Парацельсова «антропоцентрического» учения о чуме.⁶ Напротив, многие «благочестивые» протестантские элементы медицинских концепций Парацельса, которые обсуждаются в монографии, Наттон едва ли мог признать «вкладом» швейцарца в медицинское знание на его пути к современному состоянию: например, представление о том, что «греховное воображение» людей может естественным образом «влиять» на небо, вызывая в ответ эпидемии в качестве «Божьей кары».⁷

Композиционно раздел «Парацельс о чуме» в монографии Пагеля выглядит достаточно причудливо: он начинается с утверждения о влиянии на швейцарца «медицинского учения» флорентийского философа-платоника XV в. Марсилио Фичино, которое нельзя назвать всесторонне изученным и ясным, а заканчивается восхвалением Яна ван Гельмонта (1580–1644), чья научная терминология, по мнению исследователя, намного превосходит «темный язык» Парацельса.⁸ Внутри этого раздела есть подраздел с тем же названием, начинающийся с пересказа «аккуратного обобщения» «парацельсианских идей о чуме» Матвеем Унцером (Matthias Untzer) в трактате 1615 г.⁹ При этом он сразу же характеризуется Пагелем как «не очень оригинальное» изложение галеновских и «герметических» взглядов на данную болезнь. К последним относится представление о «чуме» как заболевании, «происходящем от звезд, огненном и заразном». Из текста следует, что Унцер

⁶ Наттон ссылается на первое издание 1958 г., в котором страницы с точностью совпадают со вторым: Pagel 1982, 172–185. Я имел возможность сверить лишь оглавления двух изданий, но и по ним видно, что Наттон ссылается не на весь раздел, а на его часть вплоть до обсуждения «эпидемических» взглядов Фракасторо. Характерно, что Пагель утверждает, будто в руках Фракасторо учение о контагии «сохраняло реалистический и научный дух (scientific air)», — нечто прямо противоположное тезису статьи Nutton 1983. Насколько я понимаю, рассуждение Pagel (1982, 184) можно толковать как сравнение «научности» Фракасторо и Парацельса именно в пользу Фракасторо, поскольку последний считал, что болезнетворное начало (*contagium* в тексте Пагеля) принципиально отличается от яда, так как яд не может породить ничего родственного себе. А у Парацельса «чума» происходит от «начала», родственного «мышьяку» (субстанции в системе Парацельса близкой к «яду»), — более того, это начало может «преумножаться» в воздухе. С точки зрения Пагеля, Парацельс традиционным образом описывает лечение от чумы именно как выведение яда из тела. Я не сравниваю корректность исторических реконструкций Пагеля и Наттона, а лишь обращаю внимание на следующие из них оценки.

⁷ См. Pagel 1982, 179.

⁸ Ibid., 172–189.

⁹ Ibid., 178–182.

излагает «миазматическую» теорию заражения чумой: посредством ядовитого пара болезнь проникает в тело через поры и естественные проходы и поражает в нем, прежде всего, места сосредоточения «духов» — сердце и голову. Хотя при описании «природы» ядовитого пара и его вредоносного воздействия Унцер отсылает к Парацельсовому учению о *tria prima* (сере, ртути и соли), «миазматическая» эпидемиология, опирающаяся на авторитет Галена, по моему мнению, не могла быть частью аутентичных представлений Парацельса о «чуме». Далее Пагель цитирует и собственные произведения Парацельса, как если бы изложенная в них теория оставалась в существенных чертах одной и той же, и предлагает ее схематичное изображение.¹⁰ В заключении подраздела «Парацельс о чуме» Пагель говорит, что швейцарец в своем учении об эпидемиях «чумы» «сохранил кое-какой галеновский материал» и в значительной степени развил «химическую теорию Фичино» — оба утверждения представляются мне ошибочными. Критика Галена и галенизма является одной из наиболее устойчивых черт риторики Парацельса: если он и использовал понятия, восходящие к античному врачу, то в значительной степени их переопределяя. Выводить же из единичного сравнения «чумного пара» с мышьяком в «Совете, как противостоять чуме» (1481) Фичино отдельную теорию, по меньшей мере, было бы поспешно.¹¹ Сама аналогия между процессами в окружающем мире и в человеческом теле также не была изобретением флорентийца.¹² Пагель верно уловил, что метафизическое учение Парацельса об отношениях микро- и макрокосма является ключом к пониманию его теории эпидемий, однако само это учение в ренессансном платонизме (Фичино) и у швейцарца формулируется по-разному. Таким образом, наличие обобщающих работ о медико-философских взглядах Парацельса и то, что он обстоятельно вписан в историографию истории

¹⁰ При реконструкции теории «чумы» он ни разу не ссылается на посвященные эпидемиям произведения, помещенные Карлом Зудгофом в своем 14-томном издании трудов Парацельса в последний том под рубрикой «Подложные» (*Spuria*). Однако в другом месте Pagel (1982, 214) пишет о псевдо-Парацельсовом трактате *De pestilente* (О чуме) как источнике, позволяющем косвенно оценить отношение Парацельса к Каббале. Кроме того, Пагель активно цитирует *Philosophia ad Athenienses* (Философия к афинянам), который Зудгоф атрибутировал как псевдо-эпиграф. Kahn 2022 анализирует его многочисленные отклонения от аутентичных теорий Парацельса.

¹¹ Соответствующий фрагмент Фичино обсуждается Гурьянов 2023, 227, прим. 13.

¹² Мнение Пагеля о существовании у Фичино «химической» теории возникновения «чумы» тем не менее продолжает воспроизводиться в исследованиях: например, Nedesan 2018, 98.

медицины, еще не означает, что представления швейцарца об эпидемиях «чумы» получили достаточную исследовательскую разработку.

Из анализа статьи Наттона следует, что важным фактором, влияющим на восприятие Парацельса как реформатора медицины XVI в., являются ссылки на его «учения» в работах по истории медицины, которые специальным образом не посвящены реконструкции его медико-философских теорий. Еще одним показательным примером здесь может служить обстоятельная во многих отношениях статья Эрика Хайнрихса, исследующая историю такого причудливого «средства» для лечения «чумы», как прикладывание гуски петуха или курицы к бубонам.¹³ Концептуальная рамка работы в данном случае не очень важна, однако стоит отметить, что Парацельс в ней отнюдь не ключевая фигура, а лишь один из врачей, предлагающих способы лечения, которые похожи, по мнению автора, на тот, что исходно попал в его исследовательский фокус. Сначала Хайнрихс упоминает о собственном «средстве» Парацельса из трактата «О чуме, книжица, написанная для города Штерцинга» (*Von der Pestilenz, ein Büchlein geschrieben an die Statt Sterzingen*). Его суть в том, чтобы класть на опухоли высушенных жаб (*krotten*): они должны вытянуть «чумной яд» (*gift der pestilenz*), поскольку «дурное» (*bös*) стремится к «дурному», а жабы считались ядовитыми созданиями.¹⁴ Спустя несколько страниц Хайнрихс пишет о враче из Дессау Мартине Форстере, который в 1614 г. опубликовал собственный трактат о «чуме», содержащий многочисленные свидетельства знакомства с парацельсианской медициной.¹⁵ В част-

¹³ Heinrichs 2017. Некоторые дополнения к исследованию можно найти в Гурьянов 2024, 279–280.

¹⁴ См. соответствующее место в издании Sudhoff 1925, 552. *Здесь и далее слова в круглых скобках всегда даны по изданию, которое цитируется.* Зудгоф частично нормализует текст Парацельса под языковые нормы XIX в. О важном для парацельсианской медицины принципе лечения «подобного подобным» (*similia similibus*) см. Shackelford 2001, 75–78.

¹⁵ Heinrichs 2017, 227. Полное название трактата Форстера «*Antidotus Loemo. Polemica. Ist Eine Wahre Natur und Kunstgemaese Beschreibunge der Pest und wie solche nach dem Willen Gottes zu curiren und praeserviren sey, jetzo revidiret und corrigiret*» (Противоядие от чумы. Полемика. Описание истинной природы чумы согласно искусству и как ее следует лечить и предотвращать в соответствии с волей Божьей, теперь пересмотренное и исправленное). В издание вошло несколько произведений Форстера, только первое из которых вынесено на его титульный лист: «*Tartarus Nurochondriorum*» (речь идет о болезнях, связанных с камнеобразованием в органах

ности, в предпоследней 12-ой главе Форстер предлагает четыре способа лечения с помощью животных и насекомых в соответствии с четырьмя типами недуга: *in peste igneo, in peste chaosda, in peste aqueo, in peste terraeno*.¹⁶ Описание лечения *in peste terraeno* действительно похоже на приведенное в указанном выше трактате Парацельса, однако есть и отличия. Форстер советует прикладывать не к бубонам, а к пятнам (Flecken) «всех, кто питается ядом и разложившейся пищей, тем, что питает мух, пауков, жаб, змей, комаров и лягушек, потому что все эти животные обладают особой мощной магнитной силой (magnetische Krafft), которая притягивает к ним яд, поскольку они едят яд и могут переваривать его, как любую другую найденную пищу».¹⁷ По мнению Хайнрихса, этот пример показывает, как интересующий его способ лечения «продолжал переосмысляться в рамках новых теоретических систем, в том числе и парацельсианских схем (Paracelsian schemes)».¹⁸ Хотя подготовленный читатель легко считывает аналогию между предлагаемой «схемой» и имеющим глубокие античные корни учением о четырех элементах, никаких ссылок на развернутое объяснение данной медицинской концепции в работе не дается, как если бы она была сама собой разумеющейся. Как, например, данную классификацию можно соотносить с «Парацельсовой» теорией эпидемий в изложении Унцера, согласно которому «чума» — это «огненное» заболевание, происходящее от звезд; или учением о «мышьяковой» природе «разъедающего» воздействия недуга? Кроме того, внимательное изучение текста Форстера показывает, что он имеет множество текстологических параллелей с трактатом *De pestilitate*, считающимся в настоящее время псевдо-Парацельсовым.¹⁹ Таким образом, есть веские основания считать, что влияние дискурса парацельсовской медицины в раннее Новое

подреберной области). О «гартаровых болезнях» писал и Парацельс, см. изложение его теории Hedesan 2018, 85–87.

¹⁶ Forster, 187–189. Параллельное место из предисловия Форстера то ли ко всему изданию, то ли только к первому трактату позволяет понять, что слово *chaosda* в «Противоядии от чумы» указывает на стихию воздуха (lufttige Wesen), см. Forster 1614, Vorrede [10–11]. Там же даны эквиваленты других терминов, описывающих «элементарное» устройство микрокосма, например: *ignea – coelestia, aquea – undosa*. В предисловии (Vorrede), состоящем из письма-посвящения и части, названной «Беспристрастному и справедливому читателю» (Candido et aequo lectoris), не проставлена нумерация страниц.

¹⁷ Forster 1614, 188.

¹⁸ Heinrichs 2017, 227.

¹⁹ *De Pestilitate* 3.49–53 (Sudhoff 1933, 616–619). Псевдо-Парацельс различает *pestis aquae* (чума воды), *pestis terrae* (чума земли), *pestis aëris* (чума воздуха) и *pestis ignis*

время было гораздо шире, чем восприятие его аутентичных, по данным современной науки, учений, но, как показывает приведенный пример, исследователи не всегда аккуратно отличают одно от другого.

В последние годы наметилась тенденция к более четкому размежеванию теорий эпидемий «чумы» из трактатов Парацельса и псевдо-Парацельсовых произведений, которые могли в большей или меньшей степени опираться на медико-философские учения швейцарца из его аутентичных текстов разных лет.²⁰ Как отмечают исследователи, хотя отсылки к эпидемиям «чумы» в произведениях Парацельса весьма многочисленны, ни одно из его подлинных сочинений, посвященных данному недугу, не было напечатано при жизни швейцарца.²¹ Первый опубликованный типографским образом в 1554 г. под именем Парацельса текст «Против чумы: очень полезный и ценный трактат» (Für Pestilentz: Ain seer nützlich unnd bewerter Tractat) чрезвычайно далек от духа и буквы его медико-философских учений. Самые ранние аутентич-

(чума огня). *Pestis aquae* характеризуется сильной жаждой и бессонницей (*wenigem schlaf*); *pestis aeris* — бубонами в паховой и подмышечных областях, сильными головными болями. *Pestis ignis* сопровождается сильным жаром (*großer hize*), появлением больших вздутий (*großer beulen*) за ушами и отвращением к питью (*mögen nicht trinken*). *Pestis terrae* вызывает «сонливость» или какое-то иное нарушение сна (*schwerem schlaf*), вздутия и бубоны при ней полностью отсутствуют, зато появляются пятнистые высыпания на теле коричневого цвета (*braunfarbe*) — такого же, как кровавое содержимое вскрывшегося бубона (*farben gleich einer geschlagenen beulen mit blut underlaufen*). Совпадение в описании проявлений «чумы огня» и «чумы земли» и лечения от них почти однозначно указывает на источник этой медицинской классификации Форстера, хотя очевидно, что он немного изменил латинскую терминологию.

²⁰ Наиболее амбициозным на этом пути выглядит пока что выпущенный в 2022 г. издательством Brill сборник «Pseudo-Paracelsus. Forgery and Early Modern Alchemy, Medicine and Natural Philosophy» под редакцией Д. Кана и Х. Хираи, в который включен также и новейший каталог псевдо-Парацельсовых произведений. В вошедших в том исследованиях атрибуции одних текстов были пересмотрены, а другие получили более весомые аргументы в пользу подлинного или подложного авторства. Примером последнего может служить и упомянутый выше трактат *De pestilitate*, который и в авторитетном 14-томном издании Зудгофа был помещен в раздел «Подложные» (*Spuria*), но без предъявления развернутого объяснения в пользу этого решения. Как уже отмечалось, этого оказалось достаточно, чтобы такой авторитетный исследователь, как Pagel 1982, исключил его из поля рассмотрения в разделе, посвященном теории эпидемий «чумы» Парацельса.

²¹ Gunnoe 2019, 506–509.

ные рассуждения Парацельса об эпидемии «чумы», имеющие вид концепции, исследователи относят к 1520–1525 гг., когда было создано достаточно пространное сочинение *Volumen medicinae Paramirum de medica industria*, оставшееся, однако, фрагментарным.²² На протяжении XVI в. этот текст печатался всего дважды: в 1575 и в 1589 г. в составе 10-томного издания произведений и рукописей (*Bücher und Schrifften*) Парацельса, подготовленного Иоганном Хузером, — и, по-видимому, не привлек большого внимания ученой публики.²³ Из подлинных трактатов Парацельса о «чуме» чаще всего в XVI в. печатались написанные приблизительно в 1529–1530 гг. «Две книги о чуме и ее проявлениях» (*Zwey Bücher von der Pestilentz und jhren zufällen*), называемые также «Нёрдлингенским трактатом о чуме». По объему он невелик: всего 24 страницы в издании Зудгофа и 25 — в издании Хузера. Близким к нему по содержанию и также подлинным считается более пространственный трактат *De Peste libri tres* (О чуме в трех книгах), который, вопреки латинскому названию, тоже написан на вернакулярном немецком языке, как и все перечисленные выше. Косвенные признаки указывают, что он был создан, вероятно, в 1531–1535 гг., однако его автографа не сохранилось. Подлинным считается и уже

²² Как отмечает Weeks (2008, 5–6, п. 7, 62, п. а), Парацельс использует приставку *para-* в названии целого ряда своих произведений, не поясняя, что она значит. Однако, возможно, это своеобразный маркер их принадлежности к одному интеллектуальному проекту. Если отвлечься от гаданий о семантике данной приставки, то латинское название можно перевести как «Предивное медицинское сочинение о врачебном искусстве». На то, что под выражением *industria medica* подразумевается именно «врачебное искусство», указывает, например, аналогичное по форме выражение Парацельса *industria spagirica*, которое используется в достаточно однозначном контексте (Weeks 2008, 434). Зудгоф в своем издании предпосылает латинскому названию трактата немецкое «Bruchstücke des Buches “Von den fünf Entien”» (Фрагменты книги “О пяти сущностях”), см. Sudhoff 1929, 163. В исследовательской литературе обычно дается сокращенное латинское название произведения без перевода: *Volumen medicinae Paramirum* или *Volumen Paramirum*. Трактат написан на вернакулярном немецком языке с вкраплениями латинской терминологии, используемой в том числе и для передачи некоторых ключевых понятий. О проблемах точной датировки произведения см. Weeks 1997, 38–41, Weeks 2008, 4–12, 112, п. а, 120, п. d.

²³ Kahn 2022, 58. Однако Gunnoe (2019, 507, п. 10) отмечает, что учение о пяти сущностях (*entia*) из *Volumen medicinae Paramirum* очень коротко излагается в главе «О пяти сущностях болезней» (*De Quinque Entibus aller Kranckheiten*) в *De Pestilitate* 3.99 (Sudhoff 1933, 654–655) — вероятно, самом популярном псевдо-Парацельсовом произведении, посвященном «чуме». Его популярность связана и с тем, что в издании Хузера он поставлен первым среди всех произведений, специально посвященных эпидемиям «чумы».

упоминавшийся выше 16-страничный текст «О чуме, книжица, написанная для города Штерцинга», датируемый 1534 г., хотя некоторые из его достаточно традиционных для медицины того времени разделов могли быть сформулированы Парацельсом и до трактатов, содержащих более оригинальные концепции обсуждаемого заболевания.²⁴ Небольшие, но связные рассуждения, посвященные эпидемиям «чумы», встречаются в трактатах «Книги о невидимых болезнях» (*Die Bücher von den unsichtbaren Krankheiten*) и «Большой астрономии» (*Astronomia Magna*), а также в «Послесловии к лекции о тартаровых болезнях» (*Nachschrift aus der Vorlesung uber tartarische Krankheiten*), содержащем целую главу «О чуме» (*de Peste*). Таким образом, в распоряжении исследователей есть достаточное количество подлинных произведений Парацельса для реконструкции его теоретических взглядов на данное заболевание, сравнения между собой их изложения в разных текстах и вписывания их в контекст медицины эпохи, а также натурфилософских и теологических учений швейцарца, изложенных в других трактатах. Все это в совокупности открывает перспективу для более строгой оценки влияния концепций эпидемий «чумы» Парацельса на медицинскую теорию и практику раннего Нового времени.

Кроме проблемы отделения подлинных произведений швейцарца от псевдоэпиграфов, исследователи указывают на еще три сложности при работе по реконструкции медицинских теорий Парацельса: первая — это его стиль, в котором четкие формулировки и определения чередуются с непонятными отсылками, вторая — явная непоследовательность идей и учений, изложенных в разных трактатах, и третья — концептуальные рамки рассуждений, которые настолько радикально отличаются от принятых в современной науке, что даже дисциплинарно бывает сложно определить, идет ли речь о медицине или о других областях знания.²⁵ Я постараюсь проиллюстрировать их на примере реконструкции некоторых ключевых элементов теории эпидемий «чумы» в *Volumen medicinæ Paramirum* Парацельса. Мой выбор обусловлен тем, что уже существуют исследования, посвященные реконструкции концепций данной болезни в двух других, вероятнее всего, подлинных и сходных по содержанию произведениях швейцарца: в трактатах «Две книги о чуме и ее проявлениях» и *De Peste libri tres*.²⁶

²⁴ Gunnore 2019, 508.

²⁵ Hedesan 2018, 81.

²⁶ Gunnore 2019, Kahn 2020. Оба исследования посвящены анализу подлинных произведений Парацельса в сравнении с псевдоэпиграфическим трактатом *De pestilitate*. Gunnore (2019, 523–525) приводит неполный, но очень полезный для дальнейшей разработки перечень учений Парацельса из разных произведений, которые автор

Прежде всего, следует отметить, что *Volumen medicinae Paramirum* — это произведение, полемически направленное против всей известной Парацельсу медицинской традиции, и его амбиции лежат именно в теоретической плоскости: он стремится переопределить подход к медицине в целом, а не описать какое-то конкретное заболевание и способы его лечения. Хотя исследователи считают, что данный текст мог быть создан вскоре после крупной общеевропейской эпидемии бубонной чумы конца 10-х — начала 20-х гг. XVI в., едва ли в нем стоит искать развернутые свидетельства его собственных наблюдений за «клинической картиной» этой болезни или способами борьбы с ней.²⁷ В этом произведении, как и во многих других, Парацельс использует чуму в качестве примера, чтобы разоблачить невежество или же ограниченность всех медицинских авторитетов и указать на противоречия в их подходах. Начинается произведение с достаточно прозрачных, но риторически оформленных выпадов против «Канона» Авиценны, много веков служившего в университетах введением в медицинскую науку.²⁸ Призыв к врачу

De pestilente постарался интегрировать в единую теорию, и фиксирует в таблице, в каких подлинных трактатах они встречаются. При этом *Volumen medicinae Paramirum* остается вне фокуса внимания исследователя, за исключением краткого указания, что там впервые было сформулировано учение о пяти сущностях (*entia*). Pagel 1982 вовсе не использует данный трактат, берясь за реконструкцию теории «чумы» Парацельса. Наиболее последовательно его анализирует Weeks (1997, 61–69), однако представления Парацельса о чуме и эпидемиях обсуждаются им чрезвычайно кратко.

²⁷ Gupnoe 2019, 506, 510. На территории современной Германии и Швейцарии эпидемия, вероятно, началась чуть раньше, а в Италии свирепствовала в 1522–1524 гг., см. Sohn 2010, 20. Как минимум некоторые итальянские источники подтверждают, что, судя по симптомам, это могла быть именно бубонная чума (Ibid., 43, 45, 47). В дальнейшем я буду говорить о чуме уже без кавычек, пытаясь прояснить то, что в это понятие вкладывал Парацельс.

²⁸ См. приложение к настоящей статье. Правдоподобный биографический контекст этой полемики коротко описан Weeks 2008, 9–10. Nutton (1990, 208) упоминает, что в середине 40-х гг. XV в. Джамбаттиста Да Монте проводил в Падуанском университете обычные «вводные» лекции по медицинской теории, толкуя *Canon* 1.1 Авиценны. И хотя в этом разделе ни слова не говорится о чуме, Да Монте на его основании объяснял свою теорию чумной лихорадки как воспаления, вызванного процессами гниения. Таким образом, «реальность» чумы и связанный с ней эпидемический вызов располагали к тому, чтобы на примере именно этой болезни обсуждать (и порой переопределять) фундаментальные основания и эпистемические принципы медицинского знания — см. подробнее Гурьянов 2023. Парацельс не был первым и единственным ученым врачом на этом пути.

не полагать основание знания (если переводить буквально) в «субъекте, который слепо перед ним лежит» (*das subiectum, das blind vor im ligt*), — это узнаваемая отсылка к *Canon* 1.1, где говорится о предмете медицины: «Медицина рассматривает тело человека, поскольку оно здорово или утрачивает здоровье».²⁹ Термин *subiectum* прямо используется в этом месте в латинском переводе Герарда Кремонского (он даже вынесен в название второй главы «*De subiectis medicine*», которая начинается с приведенного выше определения).³⁰ Характерно, что после определения предмета медицинской науки Авиценна говорит, что познание всякой вещи должно начинаться с познания причин, — именно с этой позицией Парацельс, очевидно, полемизирует в начале первого пролога первой книги предисловия: «мы начинаем нашу медицину с лечения (*heilung*), а не с причин (*ursachen*), потому что лечение и обнаруживает для нас причину».³¹

Рассуждения Парацельса о чуме призваны посрамить сам подход Авиценны и его последователей к медицинскому знанию; и в то же время разворачивание описания альтернативного подхода швейцарца — с учетом его универсалистских амбиций — призвано подкрепить те представления, которые с некоторыми оговорками можно обобщить в виде теории чумы из *Volumen medicinae Paramirum* (и впоследствии сравнить с соответствующими теориями из других произведений). Название заболевания, *pestilenz*, упоминается только в предисловии, разделенном на две книги и десять прологов. Однако, по-видимому, это полемический ход: медицинские авторитеты называют нечто «чумой», не имея понятия об «истинном» устройстве *любой* болезни. Парацельс пишет:

Возьмите такую болезнь, как чума (*pestilenz*). Теперь вопрос: откуда она берется? Вы даете мне ответ: из нарушения природы (*aus zerbrechung der natur*). В этом случае вы говорите как представители естественной школы медицины (*als die naturales*); но астроном говорит, что чума происходит только от хода неба. Кто же прав? Поэтому я говорю, что вы оба правы: от природы происходит что-то одно, от небесных светил (*astris*) — что-то другое, и от трех других частей (*stücken*) — еще что-то. Потому что природа (*natura*) — это сущность (*ens*), светило (*astrum*) — тоже сущность (*ens*). Поэтому ты должен знать, что есть пять видов

²⁹ Пер. с арабского М. А. Салье, Ю. Н. Завадовского, У. И. Каримова.

³⁰ Avicenna 1507, 11a. Отсылки к латинскому переводу Авиценны с использованием фундаментального для схоластической эпистемологии термина *subiectum* были общепринятыми, см. Crisciani 2024, 15–16. О значении *Canon* 1.1. для схоластической медицины см. Siraisi 1987, 10.

³¹ Sudhoff 1929, 165.

чумы (*pestilenz*), которые различаются не своей природой, сущностью, формой или обликом (*natur, wesen, form oder gestalt*), но своим происхождением, то есть тем, где они рождаются, а проявляться эти виды чумы могут, как угодно.³²

В данном случае очевидно использование сразу нескольких полемических приемов. Во-первых, само несогласие между медицинскими авторитетами свидетельствует об отсутствии у них «истинной» теории. Во-вторых, Парацельс пересказывает взгляды оппонентов очень кратко и, мягко говоря, некорректно, подгоняя их под свою пятеричную «схему». В-третьих, он переопределяет использованные предшественниками понятия так, чтобы они лучше вписывались в его концепцию. Данная риторика создает следующее впечатление: в строгом смысле медицинские авторитеты заблуждаются, но если и есть в их теориях какой-то отголосок «истины» (в виде использования понятий, который Парацельс переопределяет), то это лишь дополнительно подтверждает правоту швейцарца. В третьем прологе первой книги предисловия дается такое описание пяти медицинских школ, претендующее на охват всей предшествующей традиции:

Так как установлено, что есть пять видов врачей, они должны быть разделены по факультетам³³ или на пять школ (*secten*) — и так они в действительности и отделены друг от друга³⁴, — так что ни одна школа не действует (*procedirt*) подобно другой, и равным образом каждой школы достаточно, чтобы лечить пять первоисточков (*ursprung*) всех болезней, и каждая школа должна знать для себя (*für sich selbst*) все пять в соответствии со своим способом лечения (*cur*).³⁵

Как уже было отмечено, примат медицинской практики над «знанием причин» Парацельс провозглашает в первом же предложении предисловия. Хотя в *Volumen medicinae Paramirum* почти ничего не говорится о действенных способах лечения (это теоретическое полемическое сочинение), замысел Парацельса можно истолковать следующим образом. Именно потому, что действия врачей прошлого («школы») кого-то от чего-то излечивали, они все же принадлежат медицинскому знанию. Эту практику лечения нужно у них перенять, критически ее переосмыслив. При этом фактически «школы» лечили «пять первоисточков болезней» (что Парацельс отождествляет с «истинной» теорией

³² Ibid., 171–172.

³³ Что именно Парацельс имеет в виду под *faculteten*, объясняется в приложении.

³⁴ Риторический прием, обыгрывающий разные модальности рассуждения.

³⁵ Sudhoff 1929, 173.

всей медицины), хотя сами этого и не понимали. На это «непонимание» указывают слова из второго пролога первой книги предисловия: «Хотя по способам лечения существует пять школ, с точки зрения понимания и знания причин — только одна».³⁶ Еще более резко эта критика проговаривается в заключительной части четвертого пролога второй книги предисловия:

И запомните очень хорошо, что такое сущность (*ens*), чтобы вы могли распознать, что представляет собой каждая из болезней. Таким образом, по мере того как мы будем показывать и объяснять вам, вы наконец поймете, что соответствующая каждой болезни сущность (*ens*) есть во всех болезнях. Поэтому существует пять видов чумы (*fünf pestilenz*), а именно: от *ens astri*, от *ens veneni*, от *ens natura*, от *ens spirituum* и от *ens dei*. Таким образом, все болезни должны пониматься и рассматриваться как происходящие не от одной-единственной причины (*ursach*), но от пяти, тогда как до сих пор вы ошибочно обходились одной-единственной сущностью (*entis*), не имея на то никакого основания (*grünt*).³⁷

Разумеется, никто из врачей прошлого не учил о «пяти видах чумы», но для Парацельса это недостаток не конкретных эпидемиологических теорий, а подхода к медицинскому знанию в целом. Однако швейцарец все же делает специальный выпад против «естественных» теорий чумы, идентификация которых на более конвенциональной «карте» медицинского знания будет произведена чуть ниже. Сам же призыв рассматривать все болезни через призму «пяти причин» вполне отражает универсалистские амбиции Парацельса. Это же позволяет ему в пяти книгах основной части *Volumen medicinae Paramirum* сосредоточиться на обсуждении пяти *entia*, а не конкретных болезней, поскольку все они с теоретической точки зрения «устроены» одинаково.

В приведенных выше цитатах хорошо заметно, что для Парацельса критика теорий прошлого — это одновременно и критика «безосновательно» следующих за ними современных ему врачей: он прямо к ним обращается. «Основание» же познания в первом прологе первой книги предисловия он призывает полагать «внутри себя», поскольку познающий — врач — является микрокосмом.³⁸ Для этого ему не требуется обращаться к каким-то «внешним» рациональным построениям, например, к схоластическим моде-

³⁶ Ibid., 167

³⁷ Ibid., 174.

³⁸ Данное учение Парацельса подробнее рассматривается ниже; здесь же отмечается только его гносеологический аспект.

лям рассуждения — явной отсылкой к ним является уничижительное упоминание термина *subiectum* в первом прологе первой книги предисловия.³⁹ Примером же «упрощенного» изложения взглядов медицинских «школ» может служить такая характеристика, объединяющая вместе теории Авиценны, Галена и Разиса,⁴⁰ из третьего пролога первой книги предисловия:

Первый факультет (*facultas*) или школа называется естественной (*naturales*), по той причине, что она лечит в соответствии с одной лишь природой растений (*natur des gewechs*) и согласно тому, как образуют гармонию холодное с теплым, влажное с сухим, наполненное с опустошенным, голодное с сытым и тому подобное, и согласно тому, как природа учит изгонять что бы то ни было с помощью его противоположности. К этой школе принадлежат Авиценна, Гален, Разис, их толкователи и тому подобное.⁴¹

Общеизвестно, что трое перечисленных авторов при построении своих медицинских теорий продуктивно пользовались перипатетическим учением о четырех причинах, развивая его, а не упрощая.⁴² И едва ли где-либо ограничивались таким простым объяснением болезни, как «нарушение природы», — в то время как к такому ответу сводит позицию данной «школы» Парацельс, задавая «разоблачающий» вопрос о возникновении чумы. Еще более затруднительно предположить, какие именно ключевые положения их работ могли быть истолкованы в качестве требования лечить в соответствии с «природой растений». Однако из этого фрагмента становится ясно, как именно Парацельс полемически «присваивает» предшествующую традицию: он не собирается обсуждать тонкости медицинских теорий Авиценны или Галена, тем более делать это на «их» понятийном языке. Швейцарец «выделяет» данную школу по способу лечения, а именно: лечить противоположное противоположным, *contraria contrariis*.⁴³ Такое практическое предписание действительно встречается у названных авторов, а при расширительном

³⁹ Следует отметить, что у Парацельса нет принципиального предубеждения против схоластической терминологии, как, например, у его современников-гуманистов. Во втором прологе второй книги предисловия *Volumen medicinae Paramirum* он пишет, характеризуя структуру основной части данного произведения: «предметом каждого трактата является сущность» (*eines ietlichen tractats subiect ist ein ens*). Курсив в цитате мой — И.Г.

⁴⁰ Абу Бакр Мухаммад ибн Закария ар-Рази (ок. 854–925 или 935).

⁴¹ Sudhoff 1929, 173.

⁴² О галеновской теории причин см., например, Hankinson 2003, 31–66. Краткое изложение теории причин Авиценны в *Canon* 1.1 см. Siraisi 1987, 23–40.

⁴³ Shackelford 2001: 75–78.

толковании к нему можно свести значительную часть античной и средневековой диететики, описывающей различные способы достижения «баланса» гуморов или их элементарных качеств у людей разных темпераментов.⁴⁴ Однако параллельно с выделением данной «школы» Парацельс, пользуясь уже упомянутой пятеричной «схемой», вводит собственное понятие «природной причины» или «природной сущности» болезни. Это позволяет ему в «гибкой» форме включить в свой дискурс и апелляции к природе, без которых медицинскую теорию раннего Нового времени сложно себе представить, и элементы конвенционального медицинского словаря с целью их последовательного переопределения (например, «гуморы», «лихорадку» и др.).

Обращаясь к своим оппонентам, в третьем прологе второй книги предисловия Парацельс пишет: «вы ошибаетесь, когда, идя в разрез с нашей позицией, говорите, что любая чума происходит от гуморов или от того, что в теле» (*irrent in dem gegen uns, das ir sezet, das alle pestilenz aus den humoribus entspring oder aus dem das im leib*).⁴⁵ Поскольку в дальнейшем сам он рассуждает о гуморах (разумеется, существенно переопределяя это понятие) в третьей книге основной части, посвященной *ens naturale*, то логично предположить, что «гуморальную» теорию чумы он приписывает сторонникам «естественной школы». Следует отметить, что никто из отнесенных к ней Парацельсом авторитетных врачей прошлого не рассматривал гуморы именно как «причину» эпидемических заболеваний, поражающих множество людей в одной области, в частности, «чумы».⁴⁶ Знание «баланса» гуморов было важнейшим предметом (*subiectum*) схоластической медицины рассматриваемого периода, опиравшейся на труды названных авторов, но кроме описания устройства этого «баланса» (*complexio, temperamentum*) необходимо было учесть все то, что воздействует на него: *res non naturales* и *res contra naturam*. *Res non naturales* — это условия или процессы, которые всегда объективно сопутствуют существованию человека, и традиционно к ним относили шесть «факторов»:⁴⁷ 1) климат (т.е. непосредственно окружающий нас «воздух»), 2)

⁴⁴ Афонасин, Афонасина 2017, 121–136.

⁴⁵ Sudhoff 1929, 172.

⁴⁶ Ср. с тем, как воздействие «причин» чумы на гуморы, приводящие к их воспалению и лихорадке, описывается в «Совете, как противостоять чуме» Фичино (Гурьянов 2023, 241–243).

⁴⁷ Без обобщающего термина *res non naturales* этот перечень встречается уже в латинском переводе трактата «Медицинское искусство» (*Ars minor, Ars parva* или *Tegni*) Галена, вошедшем в состав знаменитого сборника Салернской медицинской школы *Articella*, см. Coucke 2016, 89–90.

движение (как всего тела, так и его частей),⁴⁸ 3) сон и бодрствование, 4) поступающее в тело (прежде всего, пища и питье), 5) выделяемое из него и в нем удерживаемое, 6) состояния души.⁴⁹ *Res contra naturam* — это сами болезни и их причины. Под эту категорию можно подвести и эпидемические теории, которые описывали «заражение» (*contagio*) как процесс передачи болезнетворного «начала» от больного человека или его вещей здоровому в результате их непосредственного контакта.⁵⁰ Слова Парацельса о чуме, происходящей «от того, что в теле», можно толковать чрезвычайно широко, но, по видимому, логичнее всего их соотносить или с представлением об источнике данной болезни как о сильнодействующем яде⁵¹ или с учением о «семенах болезни»⁵². В эпидемиологических теориях, восходящих к Галену, устройство гуморального «баланса» могло рассматриваться лишь как причина большей или меньшей восприимчивости к болезнетворному воздействию, которое связывалось с проникновением «яда» в тело.⁵³ Таким образом, Парацельс отрицает ключевые концептуальные элементы большинства существующих в его время чисто медицинских (не теологических) теорий чумы и эпидемий вообще: 1) «причина» чумы не находится в теле, то есть не проникает в него

⁴⁸ В том числе занятия спортом.

⁴⁹ В латинском переводе трактата Галена в составе *Articella* говорится о *anime passionibus*, см. Coucke 2016, 90.

⁵⁰ В исследовательской литературе эта теория в наибольшей степени связывается с трудами Фракасторо. Однако, учитывая время их публикации, Парацельс мог быть знаком в лучшем случае с его медицинской поэмой «Сифилис, или О гальской болезни» (1530). Хотя в ней и говорится о «семенах болезни», проникающих в тело зараженного, однако реконструировать из этого художественного произведения полноценную медицинскую теорию, по мнению Nutton (1990, 200), весьма затруднительно. В то же время представление о передаче чумы через контакт с вещами больного или самим больным было широко распространено и до Фракасторо — в частности, его можно встретить в различных трудах Фичино, см. Гурьянов 2023, 250–251.

⁵¹ Имеется в виду яд, аналогичный яду животных (например, змеи), что объясняет и лечение чумы соответствующими противоядиями, и истолкование бубонов и пустул в качестве попыток организма вывести его. Это представление действительно могло приписываться и Галену, и Авиценне — см. Гурьянов 2024, 277–280. Достаточно распространенным было сравнение чумы с драконом, то есть с большой змеей. В «Совете, как противостоять чуме» (11r; Katinis 2007, 169) Фичино пишет: «Не хочу обойти молчанием образ, упомянутый Галеном: чума — это дракон с телом из воздуха, который супротив человека дышит ядом».

⁵² Nutton 1983, Nutton 1990.

⁵³ Гурьянов 2021, 703–704.

извне как «семена болезни» или «миазмы» через поры кожи и другие естественные проходы; 2) вследствие этого *один лишь телесный контакт* с больным человеком, или с его вещами, или же с теми, кто контактировал с ним, включая животных, не приводит к заражению⁵⁴; 3) чумной яд не образуется в самом теле под воздействием факторов среды⁵⁵; 4) «причина» чумы не находится в гуморах, то есть само устройство «баланса» гуморов, данное от рождения или приобретенное вследствие образа жизни, не является фактором заражения и не «порождает» чуму. Иначе говоря, Парацельс разом отрицает миазматическую, контагиозную и контагиозно-миазматическую теории эпидемий, как они описывается в «позитивистских» подходах к истории медицины.⁵⁶

Практические следствия из этой критики вполне очевидны: большинство существующих способов борьбы с эпидемиями неверны. К ним относятся широко понимаемые карантинные меры (избегание телесного контакта с больными чумой, их вещами и теми, кто с ними контактировал), избегание мест, источающих «миазмы», и даже проветривание помещений. Наиболее явным образом эта позиция Парацельса проговаривается в другом его трактате — *Paragranum* 2.51:

⁵⁴ Хотя Парацельс не расписывает подробно, как именно его «оппоненты» представляют себе проникновение «причин» чумы извне в тело, однако следует отметить, что к концу XV в. врачам было хорошо известно, что животные и вещи больного могут «распространять» эпидемию, см. Гурьянов 2021, 706, Гурьянов 2023, 250–251.

⁵⁵ Такое учение встречается, например, у Альберта Великого, см. Nutton 1983, 20.

⁵⁶ Пример такого подхода — Блох 2018. За пределами «позитивистской» историографии эпидемиологии остаются домодерные медико-астрологические теории, поскольку за астрологическими представлениями заведомо отрицается «научное» содержание. Однако очевидно, что во времена Парацельса астрология была вполне легитимной областью знаний о «природе» и часто привлекалась для построения медицинских теорий, см. Гурьянов 2024, 277–280. Проанализированная выше критика Парацельса, по-видимому, не касается астрологических теорий чумы, хотя едва ли хоть одна из них не привлекала также и учение о гуморах, освященное авторитетом Галена и Авиценны, но ложное с точки зрения швейцарца. Впрочем, и воздействие небесных констелляций, как станет ясно ниже, Парацельс представлял совсем не так, как большинство его современников, мысливших в русле как схоластической (вслед за Альбером Великим), так и неоплатонической (вслед за Фичино) натурфилософии.

Ибо обратите внимание: вот первоисток (*ursprung*) болезней, [обратите внимание,] что болезни вызывает центр,⁵⁷ поэтому и всякая эпидемия⁵⁸ сосредоточена в центре (*sich Centriert*), а вне этого центра не возникает никаких болезней. По этой причине напрасно говорят о гнилом воздухе, или: «Закрой комнату»,⁵⁹ или «Не ходи в туман». Если определенное расположение светил (*Constellation*) не находится внутри тебя, ничто тебе не повредит. Знайте, что основание (*grundt*) таких вещей не следует выводить из хода [небесных светил] во внешнем смысле, как если бы некто говорил о солнечном свете, не упоминая Солнца. Ибо Солнце не может вредить (*letzt*) Луне⁶⁰, а только лишь Солнцу, и Луна не может вредить Солнцу, а только лишь Луне. Поэтому порождение болезней следует понимать так: они происходят из названного выше первоистока (*ursprung*), а не навеваны⁶¹ на нас извне.⁶²

Приведенный фрагмент задает релевантный контекст для понимания ряда утверждений в *Volumen medicinae Paramirum*, которые можно было бы принять за критику натальной астрологии с позиции благочестивого христианина. Например, в четвертой главе первого трактата, посвященного астральной сущности, Парацельс пишет, что светила «не властны над нами (*gewaltigen gar nichts in uns*), не формируют, не гневаются, не склоняют, они

⁵⁷ *Centrum*; данное понятие Парацельса, ключевое для его теории чумы, анализируется ниже.

⁵⁸ *Morbus*; я полагаю, что это не просто болезни, а именно эпидемические заболевания (в частности, сифилис и чума). Рассуждение Парацельса разворачивается здесь по нарастающей: указав, что «центр» вызывает все болезни, Парацельс отдельно обсуждает наиболее опасные из них. Оспариваемые далее практические рекомендации достаточно однозначно отсылают к миазматическим теориям чумы.

⁵⁹ Можно интерпретировать как два варианта карантина: закрыть комнату с больным или закрыться в комнате от эпидемической угрозы (как «миазмов», так и людей).

⁶⁰ *kein Monn*; поскольку каждый человек как микрокосм обладает «индивидуальным» небом в себе (аналогичным небу макрокосма), то это место можно истолковать в том смысле, что «Лун» и «Солнц» существует несколько. «Солнце» макрокосма воздействует на «Солнце» микрокосма, которое у каждого из людей свое, и наоборот; аналогично дело обстоит и с «Лунами».

⁶¹ *anwehen*; для описания астрального влияния выбрано слово, описывающее дуновение ветра, поскольку воздействие светил на микрокосм Парацельс описывает как опосредованное «телом» воздуха, ср. *Paragranum* 2.45 и восьмую главу первого трактата *Volumen medicinae Paramirum* (Sudhoff 1929, 184). В издании Weeks 2008 приводится пагинация произведений Парацельса по изданию Хузера: первая цифра соответствует тому, вторая — странице. При ссылках на трактат *Paragranum* я ее указываю.

⁶² Weeks 2008, 186.

свободны для себя самих, а мы — для себя».⁶³ Следует учесть, что в рассматриваемый период натальная астрология могла выступать широкой и гибкой концептуальной рамкой для объяснения того, почему одни люди заболевают чумой, а другие — нет. Но, по-видимому, Парацельсу был известен антиастрологический пример про двух детей, которые, родившись под одним и тем же расположением светил (картиной «видимого» неба), не являются идентичными: ни физически, ни душевно, ни по своему жизненному пути. Поэтому швейцарец присваивает сам дискурс о знании «неба человека» в момент рождения и переопределяет «предмет» астрологии.

Еще одним важным примером переопределения конвенциональных медицинских терминов в трактате *Volumen medicinae Paramirum* является рассуждение Парацельса о двух родах врачей или двух родах медицины. Во втором прологе первой книги предисловия он пишет:

Прежде всего, если ты хочешь быть врачом, помни, что бывает два рода врачей: врач по внутренним болезням (*leibarzt*) и хирург (*wuntarzt*)⁶⁴. Причины этого во все не в том, что существует два первоисточка [болезни], а в том, что каждая причина [болезни] двойственна сама по себе. Ведь лихорадка (*febris*) и чума (*pestilenz*) имеют единый первоисток (*ursprung*), который влияет двояким образом.⁶⁵

Очевидно, что эта классификация накладывает на пятеричную «схему». Получается, что, с одной стороны, есть пять «видов чумы» (такой же болезни, как и все прочие), а с другой — есть чума как понятие синонимичное «хирургическим болезням» (*Wundkranckheiten*), которое противопоставляется лихорадке и «внутренним болезням». Там, где современный читатель видит противоречие или как минимум терминологическое неудобство, Парацельс, по-видимому, находит дополнительные герменевтические возможности для полемики. Ведь обе классификации построены на разных основаниях, что дает возможность говорить о *pestilenz* в двух разных смыслах (попутно упрекая оппонентов в «ограниченности»). В двоичной «схеме» противопоставление осуществляется, прежде всего, по наличию видимых на поверхности тела симптомов болезни. Болезни, проявляющиеся в виде «ран», судя по всему, Парацельс считает более опасными, так как это наиболее «очевидный» симп-

⁶³ Sudhoff 1929, 180.

⁶⁴ Буквально «врачеватель ран».

⁶⁵ Sudhoff 1929, 166.

том чумы и сифилиса, — эти наиболее значимые для раннего Нового времени эпидемии он считает «сущностно» взаимосвязанными.⁶⁶ Выделения через «раны» швейцарец называет «неестественными».⁶⁷ Следует учесть, что в рассматриваемый период существовала медицинская проблема описания и объяснения эпидемий чумы, сопровождавшихся лихорадкой, но без появления бубонов и пустул.⁶⁸ В известном смысле Парацельс находит для нее решение: конструируемый им понятийный словарь позволяет описать чуму, вызванную «пятью причинами» (общими для всех болезней и действующими через один первоисток-«центр»), но протекающую без высыпаний, вздутий и нагноений на теле. При этом важно помнить, что, согласно швейцарцу, «истинный» врач должен в полной мере овладеть «обоими родами медицины».

Итак, суть альтернативного всей предшествующей медицинской традиции подхода Парацельса, изложенного в *Volumen medicinae Paramirum*, в том, чтобы связать и эпидемии, и все другие болезни с пятью сущностями или субстанциями (*entia*), а именно: астральной (*ens astrale* или *astrorum*), природной (*ens naturale*), ядовитой (*ens venenale* или *veneni*),⁶⁹ духовной (*ens spirituale* или *spiritalis*) и божественной (*ens deale* или *dei*). Он определяет *ens* как «первоисток или вещь, которая имеет силу властвовать над телом» (*ens*

⁶⁶ Так, например, в предисловии к трактату *Paragranum* 2.15 он упоминает собственное учение о превращении всех «хирургических болезней» (*Wundkranckheiten*) во «французскую болезнь» (*Frantzosen*), то есть сифилис, описываемый им как чрезвычайно опасное и явно эпидемическое заболевание (Weeks 2008, 86). О сифилисе как главной эпидемической проблеме эпохи пишет, например, Pagel 1984, 24.

⁶⁷ Sudhoff 1929, 166.

⁶⁸ Cohn 2010, 39–76. О том, что лихорадку во время эпидемий (то есть быстрого распространения заболевания и высокой смертности) нужно всегда считать чумной и начинать лечить ее, не дожидаясь появления бубонов и пустул, писал в «Совете, как противостоять чуме» Фичино, см. Гурьянов 2023. Nutton (1990, 224) отмечает, что в медицинской литературе XVI в. обсуждался и противоположный вопрос: может ли чума протекать вовсе без лихорадки. Очевидно, что теория Парацельса (в отличие, например, от теории Фичино) позволяет описывать и такие случаи.

⁶⁹ Уикс (Weeks 1997, 64, Weeks 2008, 14, п. 14) упорно предлагает читать *ens venale*, что может сбить с толку, так как буквальный перевод этого выражения — «продажная сущность»; хотя по ряду параллельных мест очевидно, что исследователь понимает, что речь идет о ядовитом начале. В любом случае у Парацельса это производное слово от лат. *venenit* в значении «яд», «отрава».

ist ein ursprung oder ein ding, welchs gewalt hat den leib zu regiren).⁷⁰ Из других фрагментов трактата становится понятно, что «тело» в данном случае метонимически обозначает человека в целом. А антропология швейцарца предполагает вполне привычное деление на тело (плоть), дух и душу. Ведь, по словам Парацельса, первые три *entia* «служат телу» (*dienen auf den leib*), а последние две — «духу» (*geist*).⁷¹ В свете данного выше определения сущности «служение» здесь не следует понимать инструментально. Тело и дух описываются как смертные части конкретного человека, отличные от индивидуальной души, получаемой нами непосредственно от Бога и бессмертной. В первом трактате основной части *Volumen medicinae Paramirum*, посвященном астральной сущности, Парацельс пишет:

Должно же у тела быть что-то, что не поглощает его, но поддерживает его существование (*im wesen bleib*). Это именно та вещь (*ding*), о которой мы вам расскажем как о сущности (*ens*); она приходит с небес (*firmament*).⁷²

Из этого фрагмента следует, что *ens astrale* не является причиной одних лишь болезней — ее влияние на человека может быть и благим. Дух же Парацельс определяет как то, что «рождается от наших мыслей без материи, находящейся в живом теле» (*das ist ein geist, das aus unsern gedanken geboren wird on materia im lebendigen leib*).⁷³ *Ens spirituale*, в свою очередь, объясняет действенность образов и воображения (в том числе в случаях заражения и

⁷⁰ Sudhoff 1929: 172. Полагаю, *ding* в данном случае — это аналог технического латинского термина *res*, который имел философский и медицинский узус уже в схоластической традиции. Если наблюдения Aronson, Ferner (2018, 213–215), которым, увы, не хватает ссылок на конкретные фрагменты текстов Парацельса, все же верны, то в *Volumen medicinae Paramirum* прослеживается характерная для ранненовременной науки тенденция редуцировать «категории», фиксирующие знание об общем, к понятиям, претендующим на адекватное представление знания о единичном. Те же *entia* у Парацельса называются «вещами» (*dingen*); они «привязаны» к телу и духу конкретных смертных людей — их нельзя считать универсалиями, трансценденталиями или предикабиями. Это объясняет и множество Парацельсовых классификаций, которые, с одной стороны, накладываются друг на друга, вступая в противоречия, а с другой — остаются как будто бы неполными. На русском языке мне известен единственный пример анализа этой ранненовременной тенденции на примере «философии» Лоренцо Валлы — см. Иванова, Соколов 2011, 108–121.

⁷¹ Sudhoff 1929, 216.

⁷² *Ibid.*, 182.

⁷³ *Ibid.*, 216.

колдовства), что позволяет исследователям проводить обоснованные параллели с неоплатоническими концепциями симпатической магии.⁷⁴ Хотя в *Volumen medicinae Paramirum* почти не уделяется внимания конкретным «средствам» лечения, исследователи давно обратили внимание, что именно полагание общей духовной сущности у двух «вещей» с теоретической точки зрения обосновывает важнейший для Парацельса принцип лечения «подобного подобным» (*similia similibus*).⁷⁵

Необходимо пояснить, как с этой традиционной трехчастной антропологией соотносится упоминаемое выше понятие «центра» (*centrum*) и где именно следует локализовать сущности — например, *ens astrale*: в теле, в духе, в душе или же вне всех трех — на небе. Полагаю, в данном трактате Парацельс оперирует несколькими концепциями человека, которые накладываются друг на друга, и понятие «центра» отсылает к учению швейцарца об отношениях микро- и макрокосма. Следует согласиться с исследователями, утверждающими, что кратчайший путь к логике этого учения лежит через ключевое положение герметической философии: то, что внизу, соответствует тому, что наверху, то, что наверху, — тому, что внизу, и вместе они образуют чудесное единство.⁷⁶ Однако важно понять, как именно толкует эту многозначную формулу Парацельс, какие акценты он расставляет. Выше говорилось о гносеологических следствиях его учения, которые представлены в первом же прологе первой книги предисловия *Volumen medicinae Paramirum*: поскольку человек как микрокосм в соответствии с замыслом

⁷⁴ Newman 2020 подробно рассматривает этот механизм заражения на материале других произведений Парацельса, в которых, однако, сам термин *ens spirituale* не используется. Следует отметить, что при известном сходстве описываемых магических практик метафизика Парацельса принципиально отличается от неоплатонической отсутствием иерархии уровней мироздания: макрокосм и микрокосм находятся в отношениях аналогии, а не иерархии. Конечно, швейцарец пишет о «медиальных сущностях», с помощью которых одно воздействует на другое: к ним относятся дух, *Mysterium* и *Mysterium magnum*. Но он принципиальным образом избегает неоплатонических понятий Духа мира и Души мира (см. Kahn 2020, 83–84) — вероятно, не только из протестантского благочестия, но и потому, что с философской точки зрения они влекут за собой иерархически устроенную метафизику. Возможно, здесь есть переключка с социально-политическими идеалами Парацельса, предполагавшими радикальный эгалитаризм и борьбу со всевозможными привилегиями. Об этих идеалах, которые побудили швейцарского протестанта критиковать самого Лютера, упоминает Pagel 1984, 23, 40–44.

⁷⁵ Shackelford 2001, 75–78.

⁷⁶ Бычкова 2011, 4–6.

Творца «содержит в себе» все «части» макрокосма, он способен получить знание о любом природном явлении (например, о болезни) «изнутри» себя самого. Но и кажущееся обратным «движение»: познание микрокосма (невидимого для непосвященных) «с помощью» зримого макрокосма — частый методический прием Парацельса. В логике собственной системы швейцарца описываемые отношения не предполагают инструментального подчинения одного другому, поскольку «основание» познания, точка пересечения микро- и макрокосма, их общий «центр» всегда остается в непосредственном доступе у познающего. И поскольку достижение «начала» и «первоистока» требует еще и специальных усилий с его стороны, можно говорить, что познание осуществляется «изнутри» человека. Так, например, в *Paragranum* 2.47 Парацельс пишет о необходимости для врача-философа познать в человеке *Cauda Draconis* (созвездие Хвост Дракона) и *Aries* (созвездие Овна), то есть небесные конstellации, а также все прочие небесные «вещи», описываемые астрономами и астрологами.⁷⁷ Далее Парацельс пишет: «заметьте, что это одна вещь (*ding*) — верхние и внутренние светила, и по своим силам (*krefften*) они не разделены».⁷⁸ Пребывая в таком «двуплановом» существовании (без иерархии между микро- и макрокосмом), но в едином «центре», *entia* — в частности, астральная сущность — властвуют над человеком. Таким образом, указанную герметико-философскую формулу Парацельс понимает предельно буквально и в разных произведениях подробно показывает, какие «части» макрокосма должен уметь обнаружить в человеке подлинный врач-философ: не только элементы четырех стихий и *tria prima* — серу, ртуть и соль, — но также «тела» растений, животных и небесных светил.

Согласно швейцарцу, все «внешние» воздействия на человека, в частности, на его здоровье, возможны потому, что у их источника есть точное соответствие «внутри» человека. В медико-философском трактате *Paragranum* 2.50 Парацельс поясняет, что каждый человек «имеет в себе небо» и особым образом подвержен его воздействию:

Ибо вот что нужно понять: у нас, людей, есть некое небо (*ein Himmel*), и оно есть в каждом из нас как особое и неделимое на части (*unzerbrochen*), но пребывающее в нас всецело и в единстве; вот почему не у всех людей одинаковый ход⁷⁹, не

⁷⁷ Weeks 2008, 174.

⁷⁸ Ibid.

⁷⁹ *Lauff*; здесь и ниже Парацельс, по-видимому, намеренно сохраняет двусмысленность выражений «ход жизни» и «ход светил» (в других местах встречаются устойчивые словосочетания *lauff des Himmels*, *cursus coelestes* и *cursus astrorum*), поскольку

у всех одинаковая кончина (sterben), смерть (todt) или болезнь. Ибо каждое небо должны иметь свое особое влияние (dann jeder Himmel muß sein wirkung haben). [Ведь] если бы небо было одно, то и ход (lauff) был бы один, и если бы люди были одинаковы (ein Mensch), то и небеса [в них] одинаковы, так что все люди всегда должны были бы быть одинаково здоровы и одинаково больны.⁸⁰ Но этого не происходит; вместо этого [однообразие] дробится во время небесного рождения (in der zeit des Himmels geburt). Ведь у ребенка, зачатого в определенный момент, есть свое собственное небо. Если бы все дети рождались в один и тот же момент, то [во всех них] было бы одно и то же небо, а значит, и один и тот же ход (lauff), как я уже объяснял выше.⁸¹

Хотя не стоит приписывать теориям Парацельса превосходной степени связности, однако некоторые его ключевые положения все же можно попробовать описать с помощью параконсистентной логики, допускающей субконтрарные противоречия: конъюнкцию $S = Q$ и $S = P$, хотя $Q \neq P$.⁸² «Индивидуальное» небо в человеке отличается от неба макрокосма (они *не тождественны*), однако то, что в каждом из них «действует», становясь причиной как болезней, так и благ, — является *одной и той же* астральной сущностью. Эта одна «вещь», ее «силы» не разделены, но действуют двояким образом.⁸³ Важную роль в пояснении этой концепции играет аналогия с циркулем, проводящим несколько окружностей, сохраняя их центр в одной и той же точке (возможно этот образ был почерпнут швейцарцем из трудов Николая Кузанского).⁸⁴ Используя схожую логику, Парацельс присваивает и переопределяет понятия «лихорадки» и «чумы» во втором прологе первой книги предисловий *Volumen medicinae Paramirum*: «лихорадка (febris) и чума (pestilenz) имеют единый первоисток (ursprung), который влияет двояким

первый, наблюдаемый явно, зависит от второго, который в каждом человеке скрыт и открывается лишь подлинному врачу-философу.

⁸⁰ Парацельс подтверждает ранее высказанный тезис аргументом от обратного.

⁸¹ Weeks 2008, 184.

⁸² Лурье, Митренина 2020, 77–78.

⁸³ О сложностях с концептуализацией понятия силы у Парацельса см. Weeks 2008, 27–29. В целом, можно согласиться, что апелляции к этому понятию для швейцарца — это лишь *один из многих способов* указать на динамическое проявление «сущности» «вещи». При этом мир в целом устроен так, что одна «вещь» может преобразовываться в другую (поскольку «латентно» уже содержит ее в себе), в чем находит свое метафизическое основание алхимия — один из столпов «подлинного» мироздания врача-философа.

⁸⁴ *Paragranum* 2.50–51 (Weeks 2008, 184–187).

образом».⁸⁵ В свете выделения двух родов медицины это надо понимать так: хотя «видимые» проявления болезни различны и лечатся по-разному, они суть «действия» одной и той же «сущности» (и никакого «бездеятельного» ее существования Парацельс не описывает). Первоисток болезни проявляет себя или в лихорадке, или в чуме, или в обоих сразу. Но та же самая сущность может быть и истоком «благ». В духе подобной параконсистентной логики в восьмой главе первого трактата, посвященного астральной сущности, швейцарец пишет:

Астральную же сущность следует понимать таким образом. Небесные светила (*astra*) имеют свою природу (*natur*) и свои разнообразные свойства (*eigenschaft*), подобно тому как их имеют живущие на земле люди. Оные светила изменяются сами в себе (*haben ir verenderung in inen*), становясь то лучше, то хуже, то слаще, то кислее, то приятнее, то горче.⁸⁶ Если они пребывают в свойственном себе благе (*in ir güte sind*), то от них не исходит ничего дурного (*böses*), но, пребывая во зле (*in der bös*), они становятся вредоносными (*bosheit*). Теперь обратите внимание, что они окружают весь мир, как скорлупа — яйцо.⁸⁷ Эта скорлупа пронизана для воздуха (*luft*), и первоначально он проходит через нее, а потом движется к центру мира (*centrum der welt*).⁸⁸ Также заметьте, что те светила, которые становятся ядовитыми, пятнают воздух (*luft*) своим ядом (*gift*). А куда яд попадает, на том месте и возникают соответствующие болезни, согласно свойству (*eigenschaft*) оного светила (*sterns*). Ведь оно не может отравить весь воздух мира, а только часть в меру своей силы (*sterke*). Так же дело обстоит и с благом светил. А астральной сущностью (*ens astrale*) называется запах, дым и испарина, исходящие от светил и смешанные с воздухом, на что указывает их ход (*cursus astrorum*),⁸⁹ потому что именно от небесных светил исходит холод, тепло, сухость, влага и тому подобное, как о том свидетельствуют их свойства. И здесь следует вам заметить, что созвездия (*gestirn*) ничего ни к чему не склоняют, а отравляют своим дымом М.,⁹⁰ из-за чего и мы становимся отравленными и ослабленными

⁸⁵ Sudhoff 1929, 166.

⁸⁶ Характеристика через вкус играет важную роль в алхимии Парацельса, см. Weeks 1997, 66.

⁸⁷ Аналогия с яйцом часто используется Парацельсом для объяснения его учение об отношениях микро- и макрокосма и принципов алхимии, см., например, *Paragranum* 2.30–31, 45–46 (Weeks 2008, 132–134, 170–172).

⁸⁸ Ср. со вторым прологом первой книги предисловий к трактату в приложении.

⁸⁹ Вероятно, речь о наблюдаемых хвостах комет.

⁹⁰ Зудгоф обосновано полагает, что здесь имеется в виду *Mysterium* (Sudhoff 1929, 184). Pagel (1982, 89–95, 140–141, 227–229, 319–322, 337–338) детально анализирует это понятие, считая его важнейшим концептом в учении Парацельса о первоматерии

⟨...⟩ Астральной сущностью (*ens astrale*) называется то, что меняет наше тело к лучшему или к худшему (*zum guten oder bösen*) таким вот способом.⁹¹

Слова о яде, исходящем от небесных светил и «провоцирующем» болезни на определенных «местах», безусловно, вызывает ассоциации с достаточно традиционными для данного периода теориями эпидемий: например, с концепцией Фичино из «Совета, как противостоять чуме».⁹² Ведь в том же трактате, посвященном астральной сущности, Парацельс пишет: «Яд — источник (*anfang*) всех болезней, и все болезни вызываются ядом, будь то болезни тела или раны, без всякого исключения».⁹³ Он утверждает, что яды происходят от пяти природных металлов и минералов: арсеника (*arsenico*), солей (*sale*), ртути (*mercurio*), реальгара (*realgar*) и серы (*schwefel*).⁹⁴ Не существует однозначного соответствия между типом яда и болезнью: тот же арсеник, по его словам, вызывает более сотни разных болезней. Согласно швейцарцу, в звездах содержится больше ядов, чем встречается на земле (в перспективе это позволяет обосновать появление новых заболеваний). Тип болезни и ее «локализация» в организме зависят от ядовитых «первоисточков», которые ее вызывают. Разные астральные сущности (*entia astralia*) «соответствуют» разным болезням: ртуть, например, поражает голову, реальгар — кровь, соли — скелет и кровеносные сосуды, арсеник вызывает жажду и опухоли, а сера — отеки и лихорадку.⁹⁵ Таким образом, это очередной случай апроприации и переопределения конвенциональных медицинских представлений, поскольку никто до Парацельса не предлагал философских оснований для учения о действии астрального яда «изнутри» тела, строго отрицая возможность его проникновения через поры кожи и другие естественные проходы тела.

Полагаю, что описанные Парацельсом *entia* можно понимать как субстантивированные виды причин, которые гипостазируются «в теле» микро- или макрокосма, когда с ними происходят какие-то «наблюдаемые» изменения. В каждом случае болезни они могут действовать одновременно, и задача «хорошего» врача — уметь отличить одну от другой. Это, однако, не означает, что самый ученый медик может своим «искусством» коренным образом им

(*materia prima*). Критическую оценку интерпретации Пагеля см. Weeks 2008, 26–27, 89, n. 1, 106, n. b, 219, n. 1, 228 n. b.

⁹¹ Sudhoff 1929, 184.

⁹² См. Гурьянов 2021, Гурьянов 2023, Гурьянов 2024.

⁹³ Sudhoff 1929, 185.

⁹⁴ И арсеник, и реальгар — это соли мышьяка, встречающиеся в природе. Синонимом *arsenico* у Парацельса является *opperment*, а синонимом *schwefel* — *bittern*.

⁹⁵ Sudhoff 1929, 187.

противодействовать, что особенно очевидно, когда Парацельс пишет об астральной и божественной сущностях. Многочисленные рассуждения о последней призваны поддержать в медицинском контексте риторику протестантского благочестия:

Вы знаете, что всё здоровье и всякая болезнь исходит от Бога и ничего из этого — от человека, а людские болезни вы должны делить на два вида: естественные (in natürlichen) и данные в наказание (in flagellum). Естественные — это первая, вторая, третья и четвертая сущность (ens), данные в наказание — пятая. Вы должны понять, что Бог назначил нам наказание (straf), дал пример, который показывает нам в наших болезнях так, чтобы мы увидели, что все наши специализации (fach) — ничто, и что мы ни в чем не проникли в суть дела и не знаем истины, но во всем мы тщеславны, а наши способности и знания — ничто. Но чтобы мы могли достичь основания и показать его вам, знайте, что Бог дает здоровье и болезни и лекарства от наших болезней.⁹⁶

В русле таких рассуждений иногда с использованием понятия божественной сущности, иногда без Парацельс обосновывает представление об эпидемии чумы как о «Божьей каре», чего вовсе не было в соответствующей теории Фичино, влияние натурфилософии которого на швейцарца является общепризнанным после исследований Пагеля.⁹⁷ Исследователи отмечают и его «медицинскую» интерпретацию учения о первородном грехе: поскольку человек пребывает в «падшем» состоянии, постольку он способен заражать «греховным воображением» весь макрокосм.⁹⁸ Хотя риторические возможности представить божественную «причину» чумы в качестве основной для «благочестивого протестанта» очень велики, я все же полагаю, что для Парацельса это лишь одна из оптик для рассмотрения недуга (которой, разумеется, пренебрегают критикуемые им врачи).

Таким образом, исчерпывающее описание теории эпидемий чумы Парацельса в том виде, в каком она сформулирована в разных его трактатах, остается пока что перспективной целью для дальнейших исследований. Ясно, что теория излагается в них по-разному и в *Volumen medicinae Paramirum* содержится лишь одна из версий. Дискуссии вокруг точной датировки данного произведения все же не позволяют с уверенностью называть ее самой ранней. Остается открытым вопрос о возможности конвертировать эти версии одной теории друг в друга или же показать, что это разные теории, которые с применением меняющегося концептуального аппарата решают одни и те

⁹⁶ Sudhoff 1929, 226.

⁹⁷ Pagel 1982, 172–181.

⁹⁸ См. Hedesan 2018, 95–96.

же или, напротив, разные медико-философские проблемы. Отдельный интерес вызывает анализ причин отказа Парацельса от одних понятий в пользу других (например, отказ от учения о пяти *entia* всех болезней). Лейтмотивом большинства медико-философских произведений швейцарца остается яростная полемика со всей предшествующей медицинской традицией на фоне интенсивной апроприации и переопределения в своей философской «системе координат» некоторых ключевых ее понятий. При всем при том учение Парацельса об отношениях микро- и макрокосма, которое может быть описано с применением инструментария параконсистентной логики, со времен монографии Пагеля остается наиболее перспективным кандидатом на роль общей концептуальной рамки для исследования эпидемиологических идей швейцарца в их исторической динамике.

Приложение
ПРЕДИВНОЕ МЕДИЦИНСКОЕ СОЧИНЕНИЕ О ВРАЧЕБНОМ ИСКУССТВЕ
ПЕРВАЯ КНИЖИЦА ПРОЛОГОВ

Часть 1, Пролог первый⁹⁹

Ты должен знать, что все болезни лечатся пятью способами, и мы начинаем нашу медицину с лечения (*heilung*), а не с причин (*ursachen*), потому что лечение и обнаруживает для нас причину. На этом основано наше утверждение¹⁰⁰, что существует пять видов лечения. Это значит, что существует пять видов медицины, пять видов искусства, пять факультетов (*faculteten*)¹⁰¹ и пять

⁹⁹ Перевод выполнен по изданию Sudhoff 1929, 165–172. Десять прологов к трактату собраны в две книги: по 4 и 6 частей соответственно. Нумерация частей (*numerus*) в этих двух книгах сквозная. Weeks 2008, 2, п. 1 утверждает, что издание Зудгофа не соответствует современным стандартам, предъявляемым к критическому изданию. Беглое сравнение издания Зудгофа с изданием Хузера 1589 г. действительно показывает, что в первом случае издатель частично «нормализовал» вернакулярный немецкий язык XVI в., сделав его заметно ближе к языковой норме XIX в. Тем не менее для задач исследования медико-философской мысли Парацельса, а не его места в широко понимаемой истории становления немецкого языка, использование издания Зудгофа, по-видимому, пока остается предпочтительным: прежде всего потому, что в нем (Sudhoff 1929, 402) приведены «варианты» текста *Volumen medicinae Paramirum* из страсбургского editio princeps 1575 г., из издания Хузера 1589 г. и из йенского издания историка медицины Иоганна Даниэля Ахелиса 1928 г. В совокупности они дают более удовлетворительное понимание смысла написанного, чем каждое из них по отдельности. В скобках приводится текст именно по изданию Зудгофа. Английский перевод Leidecker 1949, к сожалению, был нам недоступен.

¹⁰⁰ *argument*; основная мысль или главный тезис. Эту семантику подтверждает использование того же слова в предисловии к трактату *Paragranum* 2.5 (Weeks 2008, 62), который по многим темам близок *Volumen medicinae Paramirum*.

¹⁰¹ Парацельс явно обыгрывает семантику лат. *facultas*, подразумевая, что вернакулярное слово *facultet* означает не только «факультет» или «медицинскую школу» (о чем речь у него пойдет ниже) в институциональном смысле, но и «искусство» в смысле умения лечить. Использование глагола *erfunden* (находить, открывать) в следующем предложении, по-видимому, указывает, что перед читателем разворачивается нечто похожее на мысленное «учреждение» идеального медицинского «университета», вобравшего в себя в качестве пяти «факультетов» знания и умения всей предшествующей медицинской традиции. Возможно, релевантным контекстом для этого образа является широко известное обещание Лютера позволить врачам самим реформировать факультеты медицины, отсылки к которому исследователи видят в других произведениях Парацельса (см. Weeks 2008, 39,

видов врачей. Каждый из этих пяти [видов медицины] представляет собой полноценный факультет медицины, способный лечить все болезни. И так как в пяти способах лечения, как указано выше, обретаются пять медицинских факультетов (*fünferlei faculteten der arznei erfunden*), то каждый должен для себя самого (*für sich selbs*) получить степень (*gradum*) признанного, полноценного и искусного врача, чтобы лечить всякий случай, болезнь и недуг в обоих родах медицины¹⁰² в качестве всезнающего врача, обладающего степенью пяти медицинских факультетов. И кто на каком факультете пожелает изучить соответствующий вид медицины в достаточной степени и получить степень¹⁰³, чтобы быть признанным как тот, кто станет этим пользоваться (занимаясь внимательным наблюдением за своей душой и телом больного), тот там и должен усердствовать, чтобы стать сведущим человеком (*wolergrünter*) в своем искусстве (*facultet*), и узнавать (*erfaren*), более обращаясь к себе самому, чем к больному, — и это основание (*grunt*) полагать внутри себя, а не в предмете (*subiectum*), который ничего не проясняя (*blint*) лежит перед ним, и он не должен метаться от одного к другому и колебаться внутри себя — как люди несведущие (*unergrüntnen*)¹⁰⁴, — самого себя вводя в сомнение.¹⁰⁵ Ибо

п. 33, 91, п. 2). Заметен пафос «переворачивания» привычной институциональной логики: не медицинский факультет «создает» врача, а «умение лечить все болезни» (*alle krankheiten zu heilen*) «создает» факультеты. Похожее рассуждение можно обнаружить в предисловии к его трактату *Paragranum* 2.15, где вместо *heilung* использовано слово *gesundtmachen* (см. Weeks 2008, 86). Построение медицинского знания не от причин, а от результатов (т.е. от лечения, показавшего свою эффективность и достигшего цели) само по себе бросает вызов схоластической эпистемологии.

¹⁰² *in beiden arzneien*; имеются в виду медицина внутренних болезней и хирургия, о которых речь пойдет ниже в связи с двумя родами врачей.

¹⁰³ Языковая игра, построенная на двойном смысле слов *facultet* и *gradum*. Буквально сказано: «И кто в каком искусстве/на каком факультете пожелает изучить, узнать и изведать степень и быть признанным как тот, кто ею станет пользоваться...» (*und in welcher facultet einer den gradum lernen, erfaren, erkunden und be wert wil haben, als einer der sich des gebrauchen wil*).

¹⁰⁴ Обыгрывание слов *wolergrünter*, *grunt* и *unergrüntnen*.

¹⁰⁵ В этом витиеватом предложении сформулировано фундаментальное положение гносеологии Парацельса, на которой строится все его медико-философское учение. Поскольку человек как микрокосм в соответствии с замыслом Творца «содержит в себе» все части макрокосма, он способен получить знание о любом природном явлении (например, о болезни) «изнутри» себя самого. Для этого ему не требуется обращаться к каким-то «внешним» рациональным построениям, например, к схоластическим моделям рассуждения. Призыв к врачу не полагать основные знания, если переводить буквально, — в «субъекте, который слепо перед ним

каждый факультет сам по себе (*für sich selbs*) является достаточной теорией, практикой и физикой¹⁰⁶ — достаточной для познания причин болезней и в равной степени для их лечения. Этим мы закончим начало нашего первого медицинского пролога и введения.

Часть 2, Пролог второй

Поскольку ранее мы указали, что существует пять факультетов медицины, и каждый факультет есть и может быть без другого, и каждый факультет является полноценным врачом в обоих родах медицины, лечащим от всех болезней, — следует отметить, что мы не утверждаем вследствие этого, будто существует пять способов лечения пяти причин всех болезней, но мы описываем пять способов лечения, поскольку каждый из них подходит для всех причин болезней, и вот каким образом. Прежде всего, если ты хочешь быть врачом, помни, что бывает два рода врачей: врач по внутренним болезням (*leibarzt*) и хирург (*wuntarzt*).¹⁰⁷ Причины этого вовсе не в том, что существуют два первоисточка [болезни] (*ursprung*), а в том, что каждая причина [болезни] (*ursach*) двойственна сама по себе. Ведь лихорадка (*febris*) и чума (*pestilenz*) имеют единый первоисток (*ursprung*), который влияет двояким образом.¹⁰⁸ С одной стороны, он вызывает гниение внутри тела (*in die feule der inwendigen*), то есть лихорадку, что относится к ведению врача по внутренним болезням; с другой стороны, вызывает чуму, то есть влияет на

лежит» (*das subiectum, das blint vor im ligt*), — это узнаваемая отсылка к *Canon* 1.1 Авиценны.

¹⁰⁶ *physic*; вероятно, здесь это не указание на какую-либо область знания, а составная часть риторической фигуры избыточного перечисления, подчеркивающей «самодостаточность» факультетов. В следующем прологе однокоренное слово *physico* будет использоваться для обозначения врача, занимающегося внутренними болезнями; однако без парного упоминания хирургии *physic* едва ли можно считать обозначением данного «рода медицины». Weeks 2008, 8 отмечает, что *physica* как один из четырех столпов «медицинской теории» (наряду с философией, астрономией и алхимией) появляется в комментариях Парацельса на «Афоризмы» Гиппократов. Однако не вполне ясно, имеется ли в виду в комментарии тот же раздел знания, который в более позднем трактате *Paragranum* будет назван «четвертым столпом медицины» — *proprietas*.

¹⁰⁷ Буквально «врач ран».

¹⁰⁸ Здесь Парацельс, по-видимому, обыгрывает образ потока, разделяющегося надвое.

центр.¹⁰⁹ Благодаря такому указанию умеете распознать основание (*grunt*) действий обоих родов врачей. Любая болезнь, которая от центра стремится к периферии относится к ведению врача по внутренним болезням (*physico*), но та, что проникает от периферии к центру, относится к ведению хирурга (*chirurgico*). Равным образом обратите внимание: то, что стремится к выделениям (*emunctorien*) в соответствии с предписаниями природы — все это [область] внутренних болезней, то же, что стремится к неестественному выведению из тела (*emunctoria*)¹¹⁰, — все это [область] хирургии. Ведь в самом деле видимые места (*stetten*) болезни, — это раны; а то, что невидимо, находится внутри тела (*des leibs*). Соответственно различаются и роды врачей. Однако заслуживает большего внимания, как принято действовать в школах (*secten*) врачей.¹¹¹ Хотя они и делятся по образу действий¹¹², но школ пять и лечат они пятью способами; пять также и причин первоисточка всех болезней, однако на них на все есть лишь одна школа, то есть каждая школа или к какой бы школе кто ни принадлежал — все должны знать все пять первоисточков (*ursprung*).¹¹³ Хотя по способам лечения существует пять школ, с точки зрения

¹⁰⁹ *centrum*; средоточие того, что делает человека микрокосмом. Поэтому подлинные начала всех болезней в человеке находятся именно там, см. Weeks 2008, 652, п. а. Не вполне ясно, что имеет в виду Парацельс под движением от центра (букв. «вширь», *in die weite*) и к центру. Ведь он был принципиальным противником как теории миазмов, так и тех версий теории контагия, которые объясняли заболевание через указание на некоторый «материальный» возбудитель, проникающий в тело через естественные проходы, включая поры (см. трактат *Paragranum* 2.51–52, Weeks 2008, 186–188). До Парацельса предпринимались попытки описать более масштабные и более локальные вспышки заболевания чумой как различающиеся по причинам — например, Фичино (см. Гурьянов 2023, 238–239). Однако швейцарец, напротив, предлагает более универалистскую теорию: все случаи чумы, включая и «индивидуальное» заражение одним человеком другого (в том числе через действие воображения или магический ритуал), опосредованы воздействием именно на «центр», через который микрокосм связан с макрокосмом. Чаще всего *centrum* определяется им как *ursprung* (первоисток) и *anfang* (начало), ср. *Paragranum* 2.51 (Weeks 2008, 186).

¹¹⁰ *unnatürlichen emunctoria*; имеется в виду содержание бубонов и пустул в привычной нам клинической картине чумы.

¹¹¹ Этому будет полностью посвящен следующий пролог первой книги.

¹¹² На хирургов и врачей по внутренним болезням.

¹¹³ В различении *ursachen* (причин) и *ursprung* (первоисточков, источников) болезней Парацельс, с привычной нам точки зрения, не очень последователен. Вероятно, для него самого это синонимы. Понятие причины, восходящее к Аристотелевой эпистемологии, оставалось основополагающим для разных конкурирующих парадигм

понимания и знания причин — только одна. Этим мы хотим закончить обсуждение двух родов врачей.

Вторая книга прологов [...]

Часть 6, Пролог второй

Так как мы представляем вам это сочинение в виде парентез¹⁴, в которых изложены все принципы (*grünt*) медицины — в том числе принципы Авиценны, Разиса, Аверроэса, Гиппократы и Галена, — вы должны постичь, как с позиции знания внутренних болезней, так и хирургии, что в этом сочинении заключена вся теория и вся практика, позволяющие распознать все болезни и соответствующие им виды медицины; и мы хотим дать ему такое краткое изложение. В этом сочинении в виде парентез (*parenthesis*) пять трактатов, и предмет (*subject*) каждого из трактатов — сущность (*ens*). Поэтому легко заметить, что существует пять сущностей (*entia*), которые создают и порождают все болезни. Пять сущностей (*entia*) означают пять первоисточков (*ursprung*), что нужно понимать так: существует пять первоисточков болезней, из которых каждый первоисток должен быть способен породить все болезни, чтобы дать столько же, сколько болезней было, есть и будет в мире.¹⁵ По по-

науки раннего Нового времени (прежде всего, схоластической и неоплатонической). *Ursach* и *ursprung* во многих контекстах у Парацельса синонимичны *ens* и *ding*. По-видимому, он принципиально избегает родовидовых определений; вместо этого его определения часто выглядят как отождествление нескольких слов, указывающих на одну «вещь» (как если бы он составлял полиязычный словарь).

¹⁴ *Aber wie wir euch anzeigen den parenthesin*. В первом прологе второй книги прологов Парацельс пишет, что хочет изложить в виде парентез (то есть несвязного повествования) только предисловие (*vorred*). Однако в этом случае неясно, в каком смысле он говорит в данном прологе буквально следующее: «эта парентеза содержит пять трактатов...» (*diser parenthesis hat fünf tractat*). Полагаю, такими риторическими средствами Парацельс утверждает принцип аналогии в устройстве предисловия и основной части произведения: как микрокосм содержит в себе все то же самое, что и макрокосм, так и предисловие излагает все то же самое, что говорится в каждом из пяти трактатов.

¹⁵ В других произведениях Парацельс специально обсуждает вопросы появления новых болезней, в частности через «трансформацию» уже известных заболеваний. Так, например, в предисловии к трактату *Paragranum* 2.15 он упоминает собственное учение о превращении всех «хирургических болезней» (*Wundkranckheiten*) во «французскую болезнь» (*Frantzosen*), то есть сифилис, описываемый им как чрезвычайно опасное и явно эпидемическое заболевание (см. Weeks 2008, 86). Наличие

воду этих сущностей (*entia*) вам, врачам, следует иметь в виду, что не все болезни происходят от одной сущности (*ens*) или от одного принципа, но есть пять частей (*stück*), то есть пять сущностей (*entia*), и от каждой из них происходят все будущие болезни. Поясним это на примере. Возьмите такую болезнь, как чума (*pestilenz*). Теперь вопрос: откуда она берется? Вы даете мне ответ: из нарушения природы (*aus zerbrechung der natur*). В этом случае вы говорите как представители естественной школы медицины (*als die naturales*); но астроном говорит, что чума происходит только от хода неба. Кто же прав? Поэтому я говорю, что вы оба правы: от природы происходит что-то одно, от светил (*astris*) — что-то другое, и от трех других частей (*stück*) — еще что-то. Потому что природа (*natura*) — это сущность (*ens*), светило (*astrum*) — тоже сущность (*ens*). Поэтому ты должен знать, что есть пять видов чумы (*pestilenz*), которые различаются не своей природой, сущностью, формой или обликом (*natur, wesen, form oder gestalt*), но своим происхождением, то есть тем, где они рождаются, а проявляться эти виды чумы могут как угодно.¹¹⁶ Таким образом, мы говорим, что наше тело подвластно пяти сущностям (*entibus*) и что каждой сущности (*ens*) подчинены все болезни и вместе с ними каждая имеет власть над нашим телом. Стало быть, есть пять видов водянки (*wassersucht*)¹¹⁷, пять видов желтухи (*gelbsucht*), пять видов лихорадки (*feber*), пять видов рака, а также всех других болезней.¹¹⁸

внешних проявлений, «ран», а также эпидемический характер сближают в восприятии Парацельса чуму и сифилис, что позволяет искать от них общие лекарства, см. *Ibid.*, 132, п. а. Более глубинные теоретические основания сближения этих болезней, возможно, следует искать в учениях Фракасторо о действии на расстоянии и «астральном» происхождении сифилиса, см. Nutton 1990, 200–201.

¹¹⁶ *wie sie wollen*; буквально «как они хотят». Об изменчивости и обманчивости «клинической картины» чумы писал уже Фичино в XV в., см. Гурьянов 2023, 240, 243–247. О том, что чума может манифестировать и протекать с разными симптомами (в том числе без бубонов и пустул, с которыми эта болезнь ассоциируется в массовом сознании), и о том, что с известными оговорками о других основаниях нозологии заболеваний это было подмечено врачами уже в раннее Новое время см. Sohn 2010, 39–76.

¹¹⁷ Следует помнить, что эти обозначения болезней не совпадают с современной нозологией заболеваний. О том, что именно во времена Парацельса подразумевалось под *wassersucht*, см. примечания Weeks 2008, 344–345, 547.

¹¹⁸ Автор благодарит П. В. Соколова и М. Д. Коноваленко за чрезвычайно продуктивное обсуждение вопросов перевода с vernakulären немецкого языка.

БИБЛИОГРАФИЯ/REFERENCES

- Афонасин, Е.В., Афонасина А.С. (2017) *ΙΑΤΡΙΚΗ ΤΕΧΝΗ. Очерки истории античной медицины*. Санкт-Петербург.
- Блох, А.И. (2018) “Концепция контагиозности — движитель развития эпидемиологии?” *Фундаментальная и клиническая медицина* 3.1, 72–76.
- Быков, К.М., ред. (1954) Джироламо Фракасторо. *О контагии, контагиозных болезнях и лечении. В трех книгах*. Москва.
- Бычкова, У.С. (2011) “Учение Парацельса о микро- и макрокосме,” *Идеи и идеалы* 4.2, 3–9.
- Гурьянов, И.Г. (2021) “Платоническая традиция и теория эпидемий в раннее Новое время,” *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 15.2, 745–771.
- Гурьянов, И.Г. (2023) “Традиция и эпистемические инновации в понимании эпидемии чумы в медико-философских трактатах Марсилио Фичино,” *Платоновские исследования* 18.1, 222–255.
- Гурьянов, И.Г. (2024) “Хирургия и эпидемии: осмысление инвазивных методов в «Совете, как противостоять чуме» Марсилио Фичино,” *Платоновские исследования* 20.1, 251–282.
- Иванова, Ю.В., Соколов П.В. (2011) *Кроме Декарта: размышления о методе в интеллектуальной культуре Европы раннего Нового времени. Гуманитарные дисциплины*. Москва.
- Каримов, У.И., Булгаков П.Г., ред. (1981²) Абу Али Ибн Сина (Авиценна). *Канон врачебной науки*. Пер. с арабского М. А. Салье, Ю. Н. Завадовского, У. И. Каримова. Книги 1–5 в 6 томах. Ташкент. Т. 1.
- Лурье, В., Митренина, О. (2020) “Непрямые значения в естественном языке и неконсистентные логики,” *Логико-философские штудии* 18.2, 71–111.
- Aronson, J.K., Ferner, R.E. (2018) “It does all depend on the dose. Understanding beneficial and adverse drug effects since 1864: Clinical and experimental attitudes to the Law of Mass Action and concentration–effect curves,” in O. P. Grell, A. Cunningham and J. Arrizabalaga, eds. *“It All Depends on the Dose”: Poisons and Medicines in European History*. Routledge, 210–239.
- Castiglioni, A. (1950) “Gerolamo Fracastoro e la dottrina del *contagium vivum*,” *Gesnerus* 8, 54–65.
- Cohn, S.K. (2010) *Cultures of Plague: Medical Thinking at the End of the Renaissance*. Oxford University Press.
- Coucke, G. (2016) “From Abstinence to Promiscuity: Men, Beasts and Eunuchs in the Expositio Problematum of Pietro d’Abano,” in P. De Leemans and M.J.F.M. Hoenen, eds. *Between Text and Tradition. Pietro d’Abano and the Reception of Pseudo-Aristotle’s Problemata Physica in the Middle Ages*. Leuven University Press, 81–118.
- Crisciani, Ch. (2024) “Medicine and Religiosity: Exchanges and Interactions,” *Medicina nei secoli: Journal of history of medicine and medical humanities* 36.1, 9–26.
- Forster, M. (1614) *Tartarus Hypochondriorum* [...]. Gera: Jacob Apel.

- Gunnoe, Ch. D. (2019) "Paracelsus, the Plague, and *De Pestilitate*," *Early Science and Medicine* 24, 504–526.
- Hankinson, R.J. (2003) "Causation in Galen," J. Barnes, J. Jouanna, eds. *Galien et la philosophie*. Geneve, 31–72.
- Hedesan, G.D. (2018) "Alchemy, Potency, Imagination: Paracelsus's Theories of Poison," in O. P. Gell, A. Cunningham, J. Arrizabalaga, eds. *"It All Depends on the Dorse": Poisons and Medicines in European History*. Routledge, 81–102.
- Kahn, D. (2020) "*De Pestilitate* and Paracelsian Cosmology," *Daphnis* 48. 1–2, 65–86.
- Kahn, D. (2022) "The *Philosophia ad Athenienses* in the Light of Genuine Paracelsian Cosmology," in Id., H. Hirai, eds. *Pseudo-Paracelsus. Forgery and Early Modern Alchemy, Medicine and Natural Philosophy*. Brill, 27–60.
- Katinis, T. (2007) *Medicina e filosofia in Marsilio Ficino: il Consilio contro la pestilenza*. Roma.
- King, H. (2001) "The Power of Paternity: The Father of Medicine Meets the Prince of Physicians," in D. Cantor, ed. *Reinventing Hippocrates*. Aldershot, 21–36.
- Leidecker, K.F., trans. (1949) Paracelsus. *Volumen Medicinæ Paramirum*. Supplement to the Bulletin of the History of Medicine, No. 11. Baltimore.
- Newman, W.R. (2020) "Bad Chemistry: Basilisks and Women in Paracelsus and pseudo-Paracelsus," *Ambix* 67.1, 30–46.
- Nutton, V. (1983) "The Seeds of Disease: an Explanation of Contagion and Infection from the Greeks to the Renaissance," *Medical History* 27.1, 1–34.
- Nutton, V. (1990) "The Reception of Fracastoro's Theory of Contagion. The Seed that Fell among Thorns," *OSIRIS* 6, 196–234.
- Pagel, W. (1982²) *Paracelsus. An Introduction to Philosophical Medicine in the Era of the Renaissance*. Basel; New York.
- Pagel, W., Rattansi, P. (1964) "Vesalius and Paracelsus," *Medical History* 8.4, 309–328.
- Rütten, T. (2001) "Hippocrates and the Construction of 'Progress' in Sixteenth- and Seventeenth-century Medicine," in D. Cantor, ed. *Reinventing Hippocrates*. Aldershot, 37–58.
- Shackelford, J. (2001) "The Chemical Hippocrates: Paracelsian and Hippocratic Theory in Petrus Severinus' Medical Philosophy," in D. Cantor, ed. *Reinventing Hippocrates*. Aldershot, 59–88.
- Siraisi, N. G. (1987) *Avicenna in Renaissance Italy: The Canon and Medical Teaching in Italian Universities after 1500*. Princeton.
- Sudhoff, K., ed. (1925) *Theophrast von Hohenheim gen. Paracelsus Sämtliche Werke. Bd. 9: "Paramirisches" und anderes Schriftwerk der Jahre 1531–1535 aus der Schweiz und Tirol*. München.
- Sudhoff, K., ed. (1929) *Theophrast von Hohenheim gen. Paracelsus Sämtliche Werke. Abt. 1: Medizinische, naturwissenschaftliche und philosophische Schriften. Bd. 9: Früheste Schriften ums Jahr 1520 verfaßt*. Berlin; München.

- Sudhoff, K., ed. (1933) *Theophrast von Hohenheim gen. Paracelsus Sämtliche Werke. Abt. 1: Medizinische, naturwissenschaftliche und philosophische Schriften. Bd. 14: Das Volumen primum der Philosophia magna. Spuria: Uechnete, von Johannes Huser größtenteils für echt gehaltene Schriften unter Hohenheims Namen*. Berlin; München.
- Weeks, A. (1997) *Paracelsus. Speculative Theory and the Crisis of the Early Reformation*. State University of New York Press.
- Weeks, A. (2008) *Paracelsus (Theophrastus Bombastus von Hohenheim 1493–1541). Essential Theoretical Writings*. Brill.

References in Russian:

- Afonasin, E.V., Afonasin A.S. (2017) *ΙΑΤΡΙΚΗ ΤΕΧΝΗ. Ocherki istorii antichnoy meditsiny*. Sankt-Peterburg.
- Blokh, A.I. (2018) "Kontseptsiya kontagioznosti — dvizhitel razvitiya epidemiologii?" *Fundamentalnaya i klinicheskaya meditsina* 3.1. 72–76.
- Bykov, K.M., ed. (1954) *Dzhirolamo Frakastoro. O kontagii, kontagioznykh boleznyakh i lechenii. V trekh knigakh*. Moskva.
- Bychkova, U.S. (2011) "Ucheniye Paratselsa o mikro- i makrokosme," *Idei i idealy* 4.2. 3–9.
- Guryanov, I.G. (2021) "Platonicheskaya traditsiya i teoriya epidemiy v ranneye Novoye vremya," *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 15.2, 745–771.
- Guryanov, I.G. (2023) "Traditsiya i epistemicheskiye innovatsii v ponimanii epidemii chumy v mediko-filosofskikh traktatakh Marsilio Fichino," *Platonovskie issledovanoya [Platonic Investigations]* 18.1, 222–255.
- Guryanov, I.G. (2024) "Khirurgiya i epidemii: osmysleniye invazivnykh metodov v «Sovete, kak protivostoyat chume» Marsilio Fichino," *Platonovskie issledovanoya [Platonic Investigations]* 20.1, 251–282.
- Ivanova, Yu.V., Sokolov P.V. (2011) *Krome Dekarta: razmyshleniya o metode v intellektualnoy kulture Evropy rannego Novogo vremeni. Gumanitarnyye distsipliny*. Moskva.
- Lourié, B., Mitrenina O. (2020) "Nepryamyye znacheniya v estestvennom yazyke i nekonsistentnyye logiki," *Logiko-filosofskiye shtudii* 18.2, 71–111.
- Karimov, U.I., Bulgakov P.G., eds. (19812) *Abu Ali Ibn Sina (Avitsenna). Kanon vrachebnoy nauki*. Per. s arabskogo M. A. Salye, Yu. N. Zavadovskogo, U. I. Karimova. Knigi 1–5 v 6 tomakh. Tashkent. T. 1.